

Использование письменных исторических источников в трудах Николая Ивановича Петрова по истории образования (вторая половина XIX – начало XX в.)

The Use of Written Historical Sources in the Works of Nikolai Ivanovich Petrov on the History of Education (second half of the XIX - early XX century)

Николай Галив¹
Mykola Haliv

¹ *Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*
24 Ivan Franko Street, Drohobych, 82100, Ukraine

DOI: [10.22178/pos.34-5](https://doi.org/10.22178/pos.34-5)

LCC Subject Category: [LB5-45](#)

Received 30.04.2018

Accepted 24.05.2018

Published online 28.05.2018

Corresponding Author:
halivm@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена научному творчеству известного российского и украинского историка, лингвиста, педагога, археографа, археолога, профессора Киевской духовной академии Николая Ивановича Петрова (1840–1921). Определенная часть научных трудов ученого посвящена истории образования, в частности прошлому Киево-Могилянской академии (XVII – начало XIX вв.).

Цель статьи – проанализировать технику изучения и обработки исторических источников, которую использовал Н. И. Петров в работах по истории образования. В результате проведенного исследования установлено, что Н. И. Петров на протяжении длительной практики историка-исследователя выработал определенные источниковедческие взгляды-принципы. Прежде всего, он отстаивал необходимость использования полноты источников при исследовании определенной проблематики и предпочитал ранее неизвестные документы. Показано, что ученый активно оперировал внешней и внутренней критикой письменных источников. Главные задачи первой, которые реализовывал Н. И. Петров в своих работах (в том числе и по истории образования), были: установление местонахождения письменного памятника, выяснения археографической и историографической судьбы документов, времени и места их написания, установление авторства источников, проведение типологизации источников, характеристика их репрезентативности. Доказывается, что внутренняя критика письменных источников, к которой прибегал ученый, заключалась, прежде всего, в установление достоверности приведенной в них информации и демонстрации генезиса содержательных компонентов документа. Отмечается, что в некоторых случаях внутреннюю критику определенного источника Н. И. Петров строил на основе психологической и индивидуализирующей интерпретации.

Ключевые слова: Н. И. Петров; исторический источник; внутренняя и внешняя критика источников; интерпретация; история образования.

Abstract. The article is devoted to the scientific activity of the famous Russian and Ukrainian historian, linguist, teacher, archaeographer, archaeologist, professor of the Kiev Theological Academy Nikolai Ivanovich Petrov (1840-1921). A certain part of the scientific works of the scientist is devoted to the history of education, in particular to the history of the Kiev-Mohyla Academy (XVII - early XIX centuries).

© 2018 The Author. This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

The purpose of the article is to analyze the technique of studying and processing historical sources, which N. I. Petrov used in his works on the history of education. As a result of the study, it was established that N. I. Petrov, during his long experience as a historian-researcher, developed certain principles and views on sources of knowledge. First of all, he defended the need to use the completeness of sources in the study of certain problems and preferred previously unknown documents. It is shown that the scientist actively used external and internal criticism of written sources. The main tasks of the first, implemented by N. I. Petrov in his works (including the history of education) were: the location of a written monument, the archeographic and historiographical fate of documents, the time and place of their writing, the establishment of the authorship of sources, the sources typology, the characteristics of their representativeness. It is proved that the internal criticism of written sources, to which the scientist resorted, consisted, first of all, in establishing the reliability of the information given in them and demonstrating the genesis of the content components of the document. It is noted that in some cases, N. I. Petrov built internal criticism of a certain source on the basis of a psychological and individualizing interpretation.

Keywords: N. I. Petrov; historical source; internal and external criticism of sources; interpretation; history of education.

ВВЕДЕНИЕ

Источниковедческая критика, которая формировалась и совершенствовалась в процессе историко-педагогических исследований отечественных авторов от первой половины XIX в., пока мало изучена как научный феномен, требует анализа и обобщений. Актуальность такой задачи усиливается развитием эпистемологической рефлексии современной истории педагогики и образования, которая побуждает, в частности, к выяснению источниковедческого основания историографии истории образования. В контексте последнего особый интерес вызывают исследования русских ученых конца XIX – начала XX в., когда активно развивалась методика источниковедческой эвристики в гуманитарных науках. Среди них эпистемологической неповторимостью выделяются труды известного русского и украинского исследователя истории образования, профессора Киевской духовной академии Николая Ивановича Петрова (1840–1921).

Личность и научно-педагогическая деятельность Н. И. Петрова были предметом исследований Ф. Шевченко [17], В. Ульяновского [20; 19], С. Сохань [18], М. Бухальской [2] и др. Литературоведческое наследие ученого исследовали Н. Дашкевич [3], С. Ефремов [22], Г. Александрова [1] и др. Некоторые исторические взгляды Н. И. Петрова изучал Ю. Михайлюк [4]. В 1994 г. увидел мир библиографический справочник «Академик Ни-

колай Иванович Петров (1840–1921)» [5]. Почти все названные исследователи указывали на определенные теоретико-методологические подходы профессора к решению научных проблем. Однако, пока нет попытки синтезировать главные источниковедческие подходы, на основании которых известный ученый писал свои научные труды, в том числе и по истории образования. Именно это мы и ставим задачей нашего исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Николай Иванович Петров родился в семье сельского церковнослужителя в Костромской губернии. Получил образование в Макарьевском уездном училище, Костромской духовной семинарии, Киевской духовной академии. После этого несколько лет работал преподавателем словесности и латинского языка Волынской духовной семинарии. С 1870 г. Н. И. Петров начал преподавать в Киевской духовной академии, сделав там научную и педагогическую карьеру (доктор богословия и заслуженный ординарный профессор). В 1916 г. его избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук в Петрограде по отделению русского языка и словесности.

Профессор Н. И. Петров был известным историком церкви и церковно-религиозной жизни Западной и Южной Руси XVII–XVIII вв. Од-

нако часть его работ составляли исследования по истории культурно-образовательных процессов. В этом контексте наиболее известны нарративы ученого по истории Киевской коллегии-академии указанного периода. Прославился он и как издатель источников к истории этого учебного заведения, снаряжая свои издания глубокими археографическими текстами. Собственно именно эти исторические и источниковедческие труды Н. И. Петрова являются объектом нашего исследования.

Источники в произведениях Н. И. Петрова играли роль не только резервуара информации, но и служили весомой базой научной интерпретации. Характеризуя источниковую основу историко-педагогического нарратива Н. И. Петрова, отметим, что ученый активно пользовался как архивными, так и опубликованными источниками. Конечно, особое значение придавал источникам до того времени неизвестным. Так, в работе о Киевской академии во второй половине XVII в. (1895) ученый отметил: «Но за то вне стен Киевской Академии постепенно открываются все *новые и новые источники* для истории этой Академии, которые *проливают значительный свет* и на избранный нами период этой истории» (курсив наш. – Н. Г.) [13, с. 3]. Заметим, что указанный тезис довольно симптоматический и выражает предпозитивистское понимание Н. И. Петровым исторического источника как средства, способного «пролить свет». По сути, ученый верил, что источник содержит фактическую, адекватную (истинную) информацию («свет») о прошедшей действительности, какую он может и передать ученому («пролить»), как только тот взглянет в него.

Новизна источники тесно связана с первенством его обработки, что историки при случае всегда подчеркивают. Не был исключением и Н. И. Петров. Так, в вышеупомянутой работе он подчеркнул, что содержание королевской привилегии 1635 г. для Могилянской коллегии не было известно «прежним историкам Киевской Академии» [13, с. 4]. Также отметил, что нашел несколько новых рукописных пособий этой школы в библиотеках Киево-Михайловского монастыря, Киевской духовной семинарии и Мелецкого монастыря на Волыни [13, с. 5].

В своих исследованиях ученый ориентировался и на принцип полноты обработки источников. В частности, известного исследователя истории церкви и автора монографии по истории Киевской академии митрополита Макария (Булгакова), Н. И. Петров упрекнул в неполном использовании некоторых источников. Например, отметил, что он пользовался только рукописями академических пособий, которые находятся в библиотеках Киевской духовной академии, Киево-Печерской Лавры и Киево-Софийского собора [13, с. 5]. В предисловии к составленному им первому тому «Актов и документов, относящихся к истории Киевской академии: Отделение II (1721–1795 гг.)» (1904) (далее – АДКА-II) Н. И. Петров признал неполноту собранных материалов и просил читателей сообщать о пропущенных документах [14, с. IX]. Зато в предисловии ко второму тому АДКА-II исследователь поспешил заявить о сравнительной полноте собранного материала [15, с. IV].

Как опытный ученый, Н. И. Петров отстаивал требование наличия первостепенного научного аппарата в исследовательских текстах. Отсутствие ссылок на использованные источники профессор считал недопустимым. Так, анализируя исторические труды митрополита Евгения (Болховитинова), заметил: его утверждение «не удовлетворяют современным научным требованиям» прежде всего потому, что автор не указывал источников, откуда брал свои данные, а это «не дает возможности критически проверить их» [13, с. 58]. На время активной деятельности Н. И. Петрова приходится значительное развитие исторического источниковедения, особенно из-за распространения идей позитивизма. Ученые-историки, исследуя прошлое образования и педагогических идей, заговорили о надлежащей критике источников. В конце XIX – начале XX в., благодаря работам Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, утвердилось разделение научной критики источников на внешнюю критику – анализ «материальных» особенностей источников (бумага, форма, особенности языка и т.д.) и внутреннюю критику – анализ правдивости изложенных исторических фактов. Н. И. Петров в то время не оперировал понятиями «внешняя критика» и «внутренняя критика» письменных источников, но активно пользовался термином «критика». Причем в его нарративе можно выделить как внеш-

ною, так и внутреннюю критику. Говоря о первой, заметим, что исследователь анализировал и описывал такие внешние особенности письменных источников:

1. *Местонахождение письменного памятника.* Указанный аспект, прежде всего, отображался в публикуемых ученым сборниках документов по истории Киевской академии. Во введении к уже упомянутому первому тому АДКА-II Н. И. Петров тщательно описывает из каких архивов и опубликованных изданий он брал документы для сборника [14, с. IV–IX]. Однако и в нарративных трудах ученого часто находим указания на местонахождение источника, причем не только в примечаниях.

2. *Археографическая и историографическая судьба документов.* В работах Н. И. Петрова встречаем и указания на историю использования определенных источников в научных исследованиях других ученых. В частности, говоря о списках руководителей Киевской академии, замечает, что один из них был составлен в этом заведении в 1760-х гг. на основе имеющихся в то время документов при ректорстве Самуила Миславского (1759–1768) с его собственноручными правками, и найден в 1894 г. студентом Киевской духовной академии В. Серебренниковым в архиве Киевской духовной консистории. Этим списком, по мнению Н. И. Петрова, пользовался, очевидно, митрополит Евгений (Болховитинов) при формировании своего списка начальствующих лиц Киевской академии, который поместил в приложении к труду «Описание Киево-Софийского Собора и Киевской епархии», но без указания на место нахождения этого источника и без достаточно критического отношения к нему. Второй, как отмечает Н. И. Петров, далеко неполный подобный список был составлен в 20-х гг. XIX в. и найден в 1892 г. историком Н. Ф. Мухиным в архиве Киево-Братского монастыря [13, с. 3].

Такое описание выдает настоящую археографическую и историографическую педантичность профессора, его источниковедческую эрудицию. Последняя проявилась и при анализе ученым упоминаний об определенных источниках в трудах других исследователей. Так, Н. И. Петров выразил сомнение относительно существования источника, на который ссылался М. Булгаков в 1843 г. Речь идет о рукописном пособии (руководстве) по богословию, которое якобы преподавалось в

Киевской коллегии в течение 1642–1646 гг. Руководство, как уверял М. Булгаков, сохранилось в 1840-е годы в Киево-Софийской библиотеке. Н. И. Петров отметил, что авторство такого пособия логично приписать ректору коллегии Иосифу Кононовичу Горбацкому, что и сделал М. Булгаков в своем известном нарративе об истории Киевской академии. Однако сам профессор не нашел этого пособия в Киево-Софийской библиотеке, отметив, что источник «должным образом» не описан М. Булгаковым. Поэтому Н. И. Петров предположил, что это пособие является «недоразумением», а также выразил сомнение в его существовании, учитывая следующие обстоятельства: 1) преподавание богословия в Киевской коллегии противоречило привилегии короля Владислава IV от 18 марта 1635 г.; 2) И. К. Горбацкий выбыл из коллегии в 1645 г. – то есть за год до завершения написания этого виденного М. Булгаковым пособия

Преемник И. К. Горбацкого на ректорской должности в коллегии Иннокентий Гизель преподавал философию, а не богословие, а потому следует исключить мысль, что кто-то продолжал писать пособие И. К. Горбацкого [13, с. 14–15]. Как видим, отличное знание фактов из истории Киевской коллегии-академии позволило Н. И. Петрову деконструировать упомянутый в работе М. Булгакова источник, подчеркнув невозможность его существования. Ученый вежливо умолчал о источниковедческой ошибке (мягко назвав ее «недоразумением») своего коллеги, который, возможно, и видел какое-то рукописное пособие, но некорректно определил его автора и время написания.

3. *Время и место написания документа.* В своих трудах по истории образования ученый использовал преимущественно датированные документы, не имея необходимости усугублять или уточнять время и место появления исторического источника. Несмотря на это, Н. И. Петров большой вес придавал точной датировке источников и даже критиковал именитых историков за подобные ошибки. В частности, митрополита Макария (Булгакова) он упрекнул за «значительные ошибки» в определении времени и места появления некоторых рукописных пособий XVII в. [13, с. 5]. Кроме того, ученый придавал большое значение такому археографическому приему как описание общеисторических обстоятельств появления документа. В пре-

дисловии к публикуемым источникам по истории Киевской академии Н. И. Петров отметил, что некоторые документы нуждаются в объяснении определенных своих деталей, а также освещении «общимъ историческимъ обзоромъ» [14, с. IX]. Собственно в этом очерке к первому тому АДКА-II он подал обзор исторического периода, в котором появились эти документы, – путем как наведения известных данных об этом периоде, так и используя документальную информацию из публикуемых источников;

4. Установление авторства источников. Н. И. Петров в основном пользовался документами, авторство которых было известно. Анализируя неизвестный науке источник, но написанный известным автором, ученый подавал исторические сведения о его личности и деятельности. Так, публикуя такой историко-литературный источник как трагикомедия «Фотий», он приводит факты о деятельности автора этого произведения Г. Щербацкого [12, с. 738–739].

Однако случалось ему и осуществлять атрибуцию исторических источников. Как историк литературы, он в частности, описывал и публиковал пьесы, драматические произведения, комедии, которые были написаны в Киевской академии в первой половине XVIII в. В частности, ученый нашел неподписанные тексты двух комедий, которые в итоге напечатал в 1865 г., установив их автора. По мнению Н. И. Петрова, им был учитель пиитики (поэтики) Киевской академии Митрофан Довгалеvский. Отстаивая свое утверждение, он привел следующие доводы. Во-первых, оба комедийные произведения записаны в пособии по пиитике, которую в 1736 – 1737 гг. преподавал М. Довгалеvский. Во-вторых, в этом же пособии содержатся пьесы, которые предшествовали упомянутым комедиям, а именно «Комическое действие на Р[ожество] Хр[истово]» и «Властотворный образ». Они были написаны, как указано в конце их текстов, в 1736 и 1737 гг., то есть в то время, когда М. Довгалеvский выполнял функции учителя пиитики. При этом, как отмечал Н. И. Петров, учителя пиитики были обязаны, по существующему обычаю, писать для учеников пьесы. Кроме того, в первой пьесе («Комическое действие на Р[ожество] Хр[истово]») указано и автора – именно М. Довгалеvского, а во второй есть вступление, которое очень похоже на вступление к

первой пьесе. Похожее вступление к пьесам, как заметил профессор, «заставляют предполагать одного автора», то есть их принадлежность одной и той же личности. В третьих, комедии помещены в «Пиитике» 1736–1737 гг. наряду с указанными пьесами «Комическое действие на Р[ожество] Хр[истово]» и «Властотворный образ» и имеют с ними определенную содержательную связь (вертеп во время Рождества Христова, пасхальное время) и т.д. [7, с. 315–316]. Приведенный пример атрибуции источника также свидетельствует о надлежащей квалификации ученого как источниковеда;

5. Типологизация источников. В работах по истории образования, написанных в течение 1860 – 1880-х гг. и посвященных в основном отдельным аспектам истории Киевской коллегии, Н. И. Петров часто пользовался только определенным типом источников, в основе которого лежал принцип жанра. Например, в 1865 г. он анализировал мистерии и комедии М. Довгалеvского [7], в следующем году основательно описывал содержание первых драммистерий профессоров Киевской академии, которые дошли до его времени [11, с. 359–367], а в 1877 г. исследовал трагикомедию «Фотий» Г. Щербацкого [12]. В частности последнюю он причислял к произведениям того же типа, что и «Милость Божья» Ф. Прокоповича (1728) и интермедии М. Довгалеvского (1736 – 1737). В общем назвал 12 «южно-русских произведений этого рода» [12, с. 740]. Другой разновидностью источников, которыми довольно часто пользовался Н. И. Петров, были рукописные пособия по риторике, поэтике, философии. В частности, они стали основным типом источников, которые он использовал в работе о развитии гомилетике в Киевской академии XVII–XVIII вв. (1866 г.) [8].

Впоследствии ученый, кроме жанрового принципа группировки источников, использовал тематический принцип. В первом томе АДКА-II, как признался сам Н. И. Петров, многие документы он объединял, учитывая родство их содержания, в особые группы под одним общим номером. Например, группа № 9 содержала 24 документа о предоставлении приходов «учительным людям» и приказах служителям Церкви отдавать своих детей на обучение в Киевскую академию. «Каждый из этих документов, – отметил профессор, – рассматриваемый вне связи его с другими одно-

родными документами, не создает общей исторической картины этого дела, которая получается только при изучении их в исторической и генетической связи между собою» [14, с. IX]. Поэтому он верил в возможность создания документами «общей картины», но при условии их изучения в генетической взаимосвязи.

Последнее было тесно связано с внутренней критикой источников, благодаря которой Н. И. Петров причислял определенный источник к той или иной группе, иногда даже меняя традиционное представление о тематически-типологических аспектах источника. Например, известное в науке письмо Ф. Прокоповича к киевскому архиепископу Р. Заборовскому от 8 марта 1736 г., в котором говорилось о беспорядках в экономическом управлении Киевской академией и братским монастырем, ученый не включил в группу источников о материальном состоянии учебного заведения. По его мнению, источник, который до сих пор понимали только в «буквальном смысле», следует поместить в группу документов о ежегодной выплате Киевской академии 200 рублей с войскового гетманского скарба. Поэтому, по словам Н. И. Петрова, этот документ после размещения в другую группу «теряет для нас свой подлинный вид и получает совершенно другой смысл и значение» [14, с. IX–X]. Конечно профессор понимал возможную информационную несвязность определенного типа источников. Именно поэтому в предисловии к первому тому АДКА-II он отметил: «... В тех случаях, когда известные документы *не восполняют и не поясняют себя взаимно*, мы старались снабдить их пояснительными предисловиями или послесловиями и подстрочными примечаниями» (курсив наш. – Н. Г.) [14, с. X]. Цель объяснений, конечно, заключалась в обосновании принадлежности таких источников к определенному тематическому типу документов. Видимо, ученый понял несовершенство подобной тематической типологизации источников, содержание которых позволяло вместить их сразу в несколько групп документов. Возможно поэтому, при составлении второго тома АДКА-II Н. И. Петров уже не объединял документы в группы под определенным номером [15, с. IV].

6. *Репрезентативность источников.* В своих трудах по истории Киевской академии Н. И. Петров довольно часто прибегал к опи-

санию репрезентативности источников. Например, характеризуя этот аспект рукописных пособий XVII в., он отметил, что данные источники не являются показательными, поскольку сохранилось их немного, да и те «неравномерно распределены по времени»: до нашего времени дошло шесть пособий из моголинского периода (до 1647 г.), затем следующего периода (до 1680 г.) не дошло ни одного, и только с того времени и до конца XVII в. количество пособий, которые дошли до нас, постоянно увеличивается [13, с. 5–6].

Отметим, что вывод о «непоказательности» рукописных пособий киевских «академиков» как исторических источников ученый сделал в 1895 г. Но еще три десятилетия до этого он несколько иначе относился к этому типу источников. В частности, анализируя рукописное пособие по риторике Ф. Прокоповича (1706), Н. И. Петров выделил в ней те места, которые касались взглядов известного ученого первой половины XVIII в. на католическую церковную жизнь, в частности на иезуитов. Сам учебник назвал сухим и схоластическим, но указал на наличие трех текстовых фрагментов, пригодных для раскрытия указанных взглядов: 1) описание иезуитов, 2) характеристика способа распознать вымысел в историях о святых и чудесах, особенно в более новых латинян, 3) разоблачение непристойных шуток католических проповедников, особенно польского иезуита Фомы Млодзяновского. «Мы решаемся вывести их на свет Божий, как важные памятники и для будущей биографии Ф. Прокоповича и для изображения религиозного быта православной и католической церкви в его время» [6, с. 617], – заявил Н. И. Петров, признавая указанные фрагменты в пособии по риторике достаточно репрезентативным источником к выяснению некоторых биографических моментов и даже такого широкого вопроса как церковно-религиозная жизнь Восточной Европы конца XVII – начала XVIII в.

Таким же образом на основании пособий по риторике XVIII в. Н. И. Петров характеризовал развитие гомилетики в Киевской академии. Преподаватели риторики, конечно, уделяли внимание искусству проповеди, а затем в их пособиях ученый находил или примеры из проповедей, или цели проповеди, или трактаты о проповеди (например, «Наука или способ составлять проповеди» И. Галятовского) [8, с. 91–102]. Поэтому именно пособия ритори-

рики стали для исследователя наиболее репрезентативным источником к изучению данной проблемы.

Внутренняя критика письменных источников, к которой прибегал Н. И. Петров, заключалась, прежде всего, в установлении достоверности приведенной в них информации и демонстрации генезиса содержательных компонентов (всего или частично) документа. Обе задачи осуществлялись путем сопоставления анализируемого источника с другими источниками или фактическими данными, зафиксированными предыдущими исследователями.

Так, механизм установления достоверности исходных сведений профессор продемонстрировал в работе «Киевская Академия во второй половине XVII в.». Ученый тщательно проанализировал источник 1760-х годов, в котором, среди прочего, сообщалось о первом ректоре Киево-Могилянской коллегии с 1632 г. Исае Трофимовиче Козловском. В источнике отмечалось, что он в 1633 г. был учителем в коллегиях Киевской и Гойской (Гошанской). Но на основании знания исторических фактов Н. И. Петров опроверг утверждение о пребывании И. Т. Козловского в Гойской коллегии, потому что это заведение при Гошанском монастыре возникло лишь в 1639 г. Так же опроверг утверждение документа, что И. Т. Козловский был преподавателем богословия, поскольку из других источников (достоверность которых у профессора, видимо, не вызывала сомнения) известно, что он до 1633 г. преподавал философию, а с 1635 г., в соответствии с королевской привилегией, в коллегии можно было преподавать науки не выше диалектики и логики (то есть начала философии). При этом Н. И. Петров пытался найти объяснение, почему в рассматриваемом им источнике И. Т. Козловский назван «мудрым богословия учителем», и указывает на то, что на Киевском соборе 1640 г. ему присвоили звание доктора богословия за составление исповедания православной веры [13, с. 8–9]. Таким образом, ученый установил некоторые недостоверные утверждения одного из обработанных им источников.

Демонстрацией генезиса содержательных компонентов определенного источника Н. И. Петров выявлял уровень его самобытности, а затем информативной независимо-

сти. Чаще всего он прибегал к этому приему при анализе однотипных в жанровом отношении источников. В частности, отметив, что до нашего времени дошел диалог пастырей из какой-то рождественской пьесы второй половины XVIII в., ученый коротко указал на определенную связь этого произведения с предыдущими произведениями киевской драмы первой половины этого же века [10, с. 553–554]. В другой работе ученый анализировал ряд рукописных учебников поэтики и показал, как на них повлияли пособия по риторике, осветив те правила и примеры из последних, которые вошли в учебники поэтики со времен Ф. Прокоповича [11, с. 472–490].

В своих трудах Н. И. Петров не всегда показывал технику выявления генетических связей, иногда даже не приводил примеры или иллюстрации для своих источниковедческих утверждений, что несколько вредило общей доказательности. Так, говоря о проповедях ученых – преподавателей Киевской коллегии (Л. Барановича, И. Галятовского), исследователь констатировал компилятивный характер многих из них, трактовал их как заимствования из изданных проповедей (отдельных или целых сборников) авторства западных (католических) или униатских проповедников [8, с. 90]. Однако не приводил примеры компилятивности и заимствований, просто ограничившись заявлением. Кроме того, указал, что два известных трактаты о проповеди («Наука или способ составлять проповеди» И. Галятовского (1660) и «Оратор» (1688)) являются заимствованиями из книги «Eloquentiae Sacrae humanae parallela» французского иезуита Николая Кавзина [8, с. 92]. Причем опять же лишь констатировал факт, не демонстрируя сравнительных сопоставлений, что доказывали бы произведение заимствований. Только проанализировав проповеди польского иезуита второй половины XVII в. Ф. Млодзяновского, Н. И. Петров нашел заимствования из них в произведениях Стефана Яворского и привел конкретные примеры [13, с. 104–107].

В некоторых случаях внутреннюю критику определенного источника, прежде всего авторского, Н. И. Петров строил на основе психологической и индивидуализирующей интерпретации. Такой подход он использовал в рецензии на диссертацию Д. Вишневого, посвященной истории Киевской академии первой половины XVIII в. Особое внимание

ученый посвятил письму Феофана Прокоповича к киевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому 1736 г., в котором первый упрекает Братский монастырь за плохое ведение хозяйства. Н. И. Петров, очевидно, считал, что не следует прямолинейно понимать критику Ф. Прокоповича, учитывая исторические и биографические обстоятельства. В то время киевский митрополит Р. Заборовский обратился к Св. Синоду, чтобы выхлопотать разрешение на возобновление денежных выплат с войскового гетманского скарба на Киевскую академию, которые не предоставлялись с 1722 г., когда российское правительство распорядилось, чтобы средства из гетманского скарба шли только на военные нужды. Будучи президентом Св. Синода, Ф. Прокопович, по мнению Н. И. Петрова, не хотел плыть против правительственного течения, а потому написал письмо-ответ Р. Заборовскому, в котором отказал в удовлетворении просьбы митрополита, но мотивировал это не собственным нежеланием в очередной раз ходатайствовать перед правительством (да еще и в годы «бироновщины»), а другими причинами – плохим ведением хозяйства Братского монастыря, при котором действовала Киевская академия. Профессор подчеркнул, что хозяйство монастыря, а затем и учебного заведения, было плохим, но из-за «исторических обстоятельств», а не плохого хозяйствования. Поэтому и заметил Д. Вишневному, что он «верит искренности письма Ф. Прокоповича и не понимает подлинного его значения и смысла» [21, с. 83–84]. По сути, Н. И. Петров показал молодому коллеге как следует учитывать социальное положение автора источника, его должностные обязанности и связанные с ними мотивы, а затем интерпретировать высказанную им мысль, находить вне ее другие стимулы, отличающиеся от прямо декларированных.

Еще одним примером психологической интерпретации источников служит сопоставление Н. И. Петровым двух документов: императорской инструкции 1762 г. о реорганизации северорусских духовных учебных заведений и академической инструкции Киевской академии 1763 – 1764 гг., составленной ректором Самуилом Миславским. Ученый отметил их отличие и довольно таки эмпатически объяснил «дух и содержание» альтернативной инструкции ректора. По мнению

профессора, С. Миславский проигнорировал правительственную инструкцию, так как считал Киевскую академию равной зарубежным академиям и университетам. Для объяснения таких взглядов С. Миславского Н. И. Петров привел интересный факт: с 1758 г. киевский ректор завязал переписку с профессором Бранденбургской академии Христианом Баумейстером и получил от него комплимент о возможной известности С. Миславского в самой Сорбонне. Н. И. Петров пишет: «Самуил Миславский имел определенные основания считать себя и свою Академию крупными величинами в ученом европейском мире» [16, с. 483]. Подтверждая предположение о такой точке зрения С. Миславского на себя и академию, ученый указал на то, что ректор в проекте своей инструкции приводил примеры не только российских высших учебных заведений, но и зарубежных академий и университетов [16, с. 483–484]. Таким образом, исследователь объясняет появление источника (инструкции Киевской академии 1763–1764 гг.) личностно-психологическими факторами: амбициями автора документа, завышенной самооценкой и не совсем адекватным представлением о себе.

ВЫВОДЫ

Подытоживая, отметим, что профессор Н. И. Петров на протяжении длительной практики историка-исследователя выработал определенные источниковедческие взгляды-принципы. Прежде всего, он отстаивал необходимость использования полноты источников при исследовании определенной проблематики и предпочитал ранее неизвестные документы. Ученый активно оперировал внешней и внутренней критикой письменных источников. Главные задачи первой, которые реализовывал Н. И. Петров в своих работах (в том числе и по истории образования), были: установление местонахождения письменных памятников, выяснения археографической и историографической судьбы документов, времени и места их написания, установление авторства источников, проведение типологизации источников, характеристика их репрезентативности. Внутренняя критика письменных источников, к которой прибегал ученый, заключалась, прежде всего, в установление достоверности приведенной в них информации и де-

монстрації генезиса контентальних компонентів документа. В деяких випадках внутрішню критику визначеного джерела

Н. І. Петров будував на основі психологічної та індивідуалізуючої інтерпретації.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Aleksandrova, H. (2008). Persha avtorska versiiia novoho ukrainskoho pysmenstva [The first author's version of the new Ukrainian writing]. In N. I. Petrov, *Ocherki istorii ukrainskoj literatury XIX stoletija* (pp. 3–14). Kyiv: Kyiv. un-t (in Ukrainian)
[Александрова, Г. (2008). Перша авторська версія нового українського письменства. В Н. І. Петров, *Очерки истории украинской литературы XIX столетия* (с. 3–14). Київ: Київ. ун-т].
2. Bukhalska, M. A. (2006). *Naukova diialnist ta istoryko-kulturna spadshchyna Mykoly Petrova (druha polovyna XIX – pochatok XX st.)* [Scientific activity and historical and cultural heritage of Mykola Petrov (second half of XIX – beginning of XX century)] (Doctoral thesis). Kyiv: Kyievo-Mohylianska akademiia (in Ukrainian)
[Бухальська, М. А. (2006). *Наукова діяльність та історико-культурна спадщина Миколи Петрова (друга половина XIX – початок XX ст.)* (Автореф. дис. кандидата історичних наук). Київ: Києво-Могилянська академія].
3. Dashkevich, N. P. (2013). *Otzyv o sochinenii g. Petrova "Ocherki istorii ukrainskoj literatury XIX stoletija"* [Feedback on the work of Mr. Petrov "Essays on the history of Ukrainian literature of the XIX century"]. Donetsk: LANDON-XXI (in Russian)
[Дашкевич, Н. П. (2013). *Отзыв о сочинении г. Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX столетия»*. Донецьк: ЛАНДОН-XXI].
4. Mykhailiuk, Yu. M. (2015). *Pohliady Mykoly Petrova na sotsialni protsesy u Velykomu kniazivstvi Lytovskomu cherez pryzmu evoliutsii lytovsko-ruskoj znati* [Nikolai Petrov's views on social processes in the Grand Duchy of Lithuania through the prism of the evolution of the Lithuanian-Russian nobility]. *Hurzhiivski istorychni chytannia*, 10, 17–20 (in Ukrainian)
[Михайлюк, Ю. М. (2015). Погляди Миколи Петрова на соціальні процеси у Великому князівстві Литовському через призму еволюції литовсько-руської знаті. *Гуржіївські історичні читання*, 10, 17–20].
5. Mykytas, V. L., & Mykytas, N. D. (Eds.). (1994). *Akademik Mykola Ivanovych Petrov (1840–1921)* [Academician Nikolai Ivanovich Petrov (1840-1921)]. Kyiv: In-t ukr. arkheohrafii NAN Ukrainy (in Ukrainian)
[Микитась, В. Л., & Микитась, Н. Д. (Ред.). (1994). *Академік Микола Іванович Петров (1840–1921)*. Київ: Ін-т укр. археографії НАН України].
6. Petrov, N. (1865). *Vyderzhki iz rukopisnoj ritoriki F. Prokopovicha, soderzhashhie v sebe izobrazhenie papistov i iezuitov* [Excerpts from the handwritten rhetoric of F. Prokopovich, containing an image of papists and Jesuits]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 4, 614–637 (in Russian)
[Петров, Н. (1865). *Выдержки из рукописной риторики Ф. Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов*. *Труды Киевской духовной академии*, 4, 614–637].
7. Petrov, N. I. (1865). *Misterii i komedii uchitelja piitiki v Kievskoj akademii ieromona Mitrofana Dovgalevskago (1736 – 37 g.)* [Mysteries and comedies of the teacher of piitics in the Kiev Academy of Hieromonk Mitrofan Dovgalevsky (1736 – 1737)]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 2, 311–331 (in Russian)
[Петров, Н. І. (1865). *Мистерии и комедии учителя пиитики в Киевской академии иеромонаха Митрофана Довгалева (1736–1737 г.)*. *Труды Киевской духовной академии*, 2, 311–331].
8. Petrov, N. I. (1866). *Iz istorii gomiletiki v staroj Kievskoj Akademii* [From the history of Homiletics in the old Kiev Academy]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 1, 86–124 (in Russian)
[Петров, Н. І. (1866). *Из истории гомилетики в старой Киевской Академии*. *Труды Киевской духовной академии*, 1, 86–124].

9. Petrov, N. I. (1866). O slovesnyh naukah i literaturnyh zanjatijah v Kievskoj akademii ot nachala ee do preobrazovanija v 1819 godu [On the verbal sciences and literary pursuits in the Kiev Academy from its inception to the transformation in 1819]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 11, 343–388 (in Russian)
[Петров, Н. И. (1866). О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. *Труды Киевской духовной академии*, 11, 343–388].
10. Petrov, N. I. (1866). O slovesnyh naukah i literaturnyh zanjatijah v Kievskoj akademii ot nachala ee do preobrazovanija v 1819 godu [On the verbal sciences and literary pursuits in the Kiev Academy from its inception to the transformation in 1819]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 12, 552–569 (in Russian)
[Петров, Н. И. (1866). О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. *Труды Киевской духовной академии*, 12, 552–569].
11. Petrov, N. I. (1868). O slovesnyh naukah i literaturnyh zanjatijah v Kievskoj akademii ot nachala ee do preobrazovanija v 1819 godu [On the verbal sciences and literary pursuits in the Kiev Academy from its inception to the transformation in 1819]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 3, 465–525 (in Russian)
[Петров, Н. И. (1868). О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. *Труды Киевской духовной академии*, 3, 465–525].
12. Petrov, N. I. (1877). Tragikomediya, naricaemaja Fotij, uchitelja piitiki v Kievskoj Akademii Georgija Shherbackago [Tragicomedy, called Fotii, teacher of piitics in the Kiev Academy of George Shcherbatskago]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 12, 738–780 (in Russian)
[Петров, Н. И. (1877). Трагикомедия, нарицаемая Фотий, учителя пиитики в Киевской Академии Георгия Щербацкаго. *Труды Киевской духовной академии*, 12, 738–780].
13. Petrov, N. I. (1895). *Kievskaja Akademija vo vtoroj polovine XVII veka* [Kiev Academy in the second half of the XVII century]. Kiev: Тип. Г. Т. Korchak-Novickogo (in Russian)
[Петров, Н. И. (1895). *Киевская Академия во второй половине XVII века*. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого].
14. Petrov, N. I. (1904). *Akty i dokumenty, odnosjashiesja k istorii Kievskoj akademii: Otdelenie II (1721–1795)* [Acts and documents relating to the history of the Kiev Academy: Branch II (1721–1795)] (Vol. 1). Kyiv: Тип. I. I. Chokolova (in Russian)
[Петров, Н. И. (1904). *Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии: Отделение II (1721–1795 гг.)* (Т. 1). Киев: Тип. И. И. Чоколова].
15. Petrov, N. I. (1905). *Akty i dokumenty, odnosjashiesja k istorii Kievskoj akademii: Otdelenie II (1721–1795)* [Acts and documents relating to the history of the Kiev Academy: Branch II (1721–1795)] (Vol. 2). Kyiv: Тип. I. I. Chokolova (in Russian)
[Петров, Н. И. (1905). *Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии: Отделение II (1721–1795 гг.)* (Т. 2). Киев: Тип. И. И. Чоколова].
16. Petrov, N. I. (1906). Kievkaja Akademija v carstvovanie imperatricy Ekateriny II (1762–1796) [Kiev Academy in the reign of Empress Catherine II (1762–1796)]. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*, 7 (in Russian)
[Петров, Н. И. (1906). Киевская Академия в царствование императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.). *Труды Киевской духовной академии*, 7].
17. Shevchenko, F. P. (1979). *Petrov Nikolaj Ivanovich. Slavjanovedenie v dorevoljucionnoj Rossii. Biobibliograficeskij slovar'* [Petrov Nikolay Ivanovich. Slavic studies in pre-revolutionary Russia. Bibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka (in Russian)
[Шевченко, Ф. П. (1979). *Петров Николай Иванович. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь*. Москва: Наука].

18. Sokhan, S. V. (2003). *Bibliotechno-arkheohrafichna diialnist M. I. Petrova (1840–1921)* [Library and archaeological activity of MI Petrova (1840–1921)] (Doctoral thesis). Kyiv: NAN Ukrainy (in Ukrainian)
[Сохань, С. В. (2003). *Бібліотечно-археографічна діяльність М. І. Петрова (1840–1921)* (Автореф. дис. кандидата історичних наук). Київ: НАН України].
19. Ulianovskiy, V. (1997). "Tretia skladova" istoryko-tserkovnoi shkoly KDA (zamiest pisliamovy) ["The third component" of the historical and church school KDA (instead of the afterword)]. *Proseminarii: Mediievistyka. Istorii tserkvy, nauky i kultury*, 134–143 (in Ukrainian)
[Ульяновський, В. (1997). «Третя складова» історико-церковної школи КДА (замість післямови). *Просемінарії: Медієвістика. Історія церкви, науки і культури*, 134–143].
20. Ulianovskiy, V. (2003). Mykola Petrov: portret u chasovii perspektyvi ta riznykh interierakh [Nikolai Petrov: a portrait in the time perspective and various interiors]. *Mykola Petrov. Skryzhali pamiaty*. Kyiv: PRAIM (in Ukrainian)
[Ульяновський, В. (2003). Микола Петров: портрет у часовій перспективі та різних інтер'єрах. *Микола Петров. Скрижалі пам'яті*. Київ: ПРАЙМ].
21. Vishnevskij, D. K. (1903). *Kievskaja Akademiya v pervoj polovine XVII stoletija. (Novye dannye, odnosjashhiesja k istorii jetoj Akademii za ukazannoe vremja)* [Kiev Academy in the first half of the XVII century. (New data relating to the history of this Academy for the specified time)]. Kiev: Tip. I. I. Gorbunova (in Russian)
[Вишневский, Д. К. (1903). *Киевская Академия в первой половине XVII столетия. (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время)*. Киев: Тип. И. И. Горбунова].
22. Yefremov, S. (1923). *Dorohoju syntezu (pro M. I. Petrova)*. In V. Demianchuk (Ed.), *Zapysky Istorychno-Filologichnoho Viddilu* (К. II–III) (pp. 97–100). Kyiv: Drukarnia Vseukrainskoi Akademii Nauk (in Ukrainian)
[Єфремов, С. (1923). Дорогою синтезу (про М. І. Петрова). В В. Дем'янчук (Ред.), *Записки Історично-Філологічного Відділу* (К. II–III) (с. 97–100). Київ: Друкарня Всеукраїнської Академії Наук].